

Владимірь Ивановичъ Даль ¹⁾

1845 г.

1845 г., марта 30, С.–Петербургъ.

Милостивый государь князь Дмитрій Алексѣевичъ! ²⁾. Въ продолженіи службы моей въ черноморскомъ флотѣ, въ 1822 году, тогдашній главный командиръ предалъ меня военному суду, какъ сказано было, за сочиненіе пасквилей. Годъ тянулось дѣло, меня обошли чиномъ, содержали на гауптвахтѣ, наконецъ, судъ приговорилъ: разжаловать меня въ матросы. Я подалъ противъ этого на высочайшее имя просьбу, не считая себя въ такой степени виновнымъ, и генераль–аудиторіатъ, благодаря вниманію и справедливости его, разсудилъ дѣло тѣмъ, что вмѣнилъ мнѣ въ наказаніе содержаніе на гауптвахтѣ, возвративъ чинъ лейтенанта

---

¹⁾ Псевдонимъ казакъ Л у г а н с к і й . Извѣстный составитель толковаго словаря и писатель.

²⁾ Э р и с т о в ъ , князь Дмитрій Алексѣевичъ, сенаторъ и флота генераль–аудиторъ (1845 г.).

со старшинствомъ, и перевелъ въ Балтійскій флотъ.

Я съ своей стороны, вообще не будучи способенъ къ морской службѣ, этимъ случаемъ былъ побужденъ оставить ее навсегда и заслужить себѣ новое имя въ свѣтѣ. Вступивъ въ казенные воспитанники дерптскаго университета, я въ 1829 году получилъ дипломъ доктора медицины, отправился въ турецкій походъ и съ того времени, измѣнивъ по обстоятельствамъ еще разъ родъ службы, постоянно живу ею и содержу порядочную семью — душъ восемь. Окончательная участь моя будетъ: жить современемъ небольшою пенсією, если только я доживу и дослужусь до нея.

Но семь лѣтъ флотской службы моей пропадаетъ: они, по всей вѣроятности, не зачтутся мнѣ къ пенсіи, потому что я былъ подъ судомъ и формуляръ мой, не оговаривая положительно, чтобы я былъ обвиненъ, отзывается, однако-же, обо мнѣ довольно дурно: «находился подъ судомъ за сочиненіе пасквилей, и содержаніе на гауптвахтѣ вмѣнено въ наказаніе». Такъ,

если не ошибаюсь, провинность моя записана была тогда въ послужной списокъ мой, по распоряженію мѣстнаго начальства.

Не знаю, правильно ли было такое распоряженіе, потому что я никогда не видалъ приговора генераль-аудиторіата; не стану и оправдываться съ своей стороны, потому что никто въ своемъ дѣлѣ не судья. Считая себя счастливымъ, что дѣло кончилось хотя сколько нибудь въ мою пользу, я молчалъ съ тѣхъ поръ, благодаря искренно въ душѣ своей адмирала Беллингсгаузена, кому, какъ тогдашнему генераль-аудитору флота, я считаю себя обязаннымъ за мое спасеніе, понимая при томъ, что тяжба мичмана съ адмираломъ во всякомъ случаѣ неравная.

Но восходящіе въ Царствіе небесное даютъ просторъ остающимся на землѣ грѣшникамъ; а правосудіе свѣтлѣйшаго князя (Меншикова) не отвергнетъ и справедливой просьбы мичмана. Если бы ваше сіятельство взяли на себя трудъ взглянуть не подлинное дѣло, которое теперь у васъ подъ руками, то думаю, что

пожелали бы помочь человеку въ горѣ и смыть съ него пятно, можетъ быть, и не совсѣмъ заслуженное, а съ тѣмъ вмѣстѣ прибавить ему нѣсколько лѣтъ службы къ пенсіи. А когда бы, на этомъ основаніи, случилось сбыточно доложить о семъ дѣлѣ его свѣтлости, да затѣмъ увѣдомить меня о возможности и средствахъ достигнуть, чего желаю, — то вы, милостивый государь, конечно, не откажетесь отъ этого и не пощадите лишнихъ хлопотъ и трудовъ на пользу добраго дѣла.

Примите, многоуважаемый князь, увѣреніе въ искренномъ почтеніи моемъ и преданности. Покорнѣйшій слуга
В. Даль.

Сообщ. князь П . А . П у т я т и н ъ .